

Феноменологический потенциал субъективной дедукции категорий

Г. И. Чернавин

Первый вариант (А, 1781 г.) трансцендентальной дедукции категорий всегда привлекал феноменологов. В этой части текста «Критики чистого разума», как полагают, было осуществлено некое усмотрение, которое позволяет считать трансцендентальную дедукцию категорий (и, в частности, субъективную дедукцию) позитивным ядром первой критики. Однако процедура этого усмотрения остается неочевидной, более того, для самого Канта статус результатов этого усмотрения был проблематичен.¹

Одна из наших целей – понять, как можно квалифицировать «исследование рассудка с точки зрения субъекта» (А XVII), проведенное Кантом, в контексте как дескриптивной, так и трансцендентальной феноменологии. Проблематизируя субъективную дедукцию как феноменологическое исследование,² мы хотим поставить вопрос: каков с точки зрения феноменологии статус трансцендентального синтеза воображения и его эмпирического применения? Также, рассматривая разработку проблематики конститутивных синтезов, мы сможем проследить развитие отдельных элементов субъективной дедукции уже собственно в феноменологии.

Известна позиция Гуссерля по отношению к Канту: он определял свой метод как трансцендентально-феноменологический, а метод Канта – как трансцендентально-логический. Это, пожалуй, верно для второго издания «Критики», где усиление роли апперцепции действительно означало победу трансцен-

¹ «...Исследование самого чистого рассудка в том, что касается его возможности и познавательных способностей, на которых он сам основывается, иными словами, исследование рассудка с точки зрения субъекта, и, хотя выяснение этого имеет огромное значение для поставленной мной главной цели, оно, однако, не входит в нее по существу; в самом деле, основной вопрос состоит в том, что и насколько может быть познано рассудком и разумом независимо от всякого опыта, а не в том, как возможна сама способность мышления. Последнее есть как бы поиски причины к данному действию, и в этом смысле оно заключает в себе нечто подобное гипотезе (хотя на самом деле это не так, и я поясню это в другом месте). Вот почему может показаться, что в данном случае я позволяю себе высказать лишь свое предположение, но тогда и читателю должна быть предоставлена свобода иметь свое мнение. Ввиду этого я должен напомнить читателю, что в случае если моя субъективная дедукция не вызовет в нем полной убежденности, на которую я рассчитываю, то все же объективная дедукция, которой я придаю здесь наибольшее значение, сохраняет всю свою силу, а для нее может быть достаточно по крайней мере то, что сказано на страницах 92 и 93». – *Кант И.* Критика чистого разума, А XVII (здесь и далее ссылки на эту работу даются в соответствии с международной системой пагинации: А – первое издание, В – второе) (*Кант И.* Соч.: В 8 т. Т. 3. М., 1994).

² За такую интерпретацию первого варианта трансцендентальной дедукции выступает ряд исследователей. См.: *Молчанов В. И.* Время и сознание: критика феноменологической философии // Исследования по феноменологии сознания. М., 2007; *Разеев Д. Н.* Феноменология Канта // В сетях феноменологии. СПб., 2004; *Powell T. C.* Kant's Theory of Self-consciousness. Oxford, 1990; *Rotenstreich N.* Synthesis and Intentional Objectivity: On Kant and Husserl. Dordrecht, 1998.

тальной логики.³ Однако в субъективной дедукции первого издания был предложен некий альтернативный метод, в чем-то аналогичный, как мы попытаемся показать, методу генетической феноменологии. Завершая трансцендентальную дедукцию категорий, Кант определяет свою задачу как раскрытие «эпигенеза чистого разума».⁴ Это «генетическое» рассмотрение «рассудка» противопоставляется теории преформации (т. е. статическому анализу). Такой метод исследования, как кажется, позволяет Канту раскрыть конститутивные протофеномены, лежащие в основе способности рассудка. Так, чистый рассудок есть «единство апперцепции по отношению... к трансцендентальному синтезу способности воображения» (А 119). С нашей точки зрения и в кантовской трансцендентальной философии, и в феноменологии Гуссерля синтетический характер сознания проблематизируется в виде поиска условий возможности или конститутивных феноменов связи. Чистый синтез выступает у Канта конститутивным моментом трансцендентальных способностей. Эта установка соответствует и представлению поздней феноменологии Гуссерля о (пассивном) синтезе как изначальной форме сознания.

В своей работе мы опираемся на источники следующих пяти типов:

1. Работы Канта (в первую очередь – первое издание (А) «Критики чистого разума»)⁵ и Гуссерля («Амстердамские доклады», «Анализ пассивных синтезов», «Картезианские размышления», «Логические исследования» и др.).

2. Историко-философские и систематические исследования кантовской трансцендентальной аналитики (и, в частности, субъективной дедукции).

3. Историко-философские и систематические исследования феноменологии Гуссерля.

4. Исследования, построенные на сопоставлении трансцендентальной философии Канта и феноменологии Гуссерля и на их взаимной интерпретации.

5. Исследования проблемы синтетического характера сознания как в трансцендентальной философии, так и в феноменологии.

Из отечественной исследовательской литературы, которую мы использовали, ко второму типу относятся работы В. В. Васильева и Д. Н. Разеева, к третьему и пятому типу – исследование В. И. Молчанова, к четвертому типу – работа Н. В. Мотрошиловой, а к четвертому и пятому типу – работы Ю. О. Орловой.⁶ В зарубежной исследовательской литературе ко второму типу относятся работы К. Т. Пауэла и П. Китчер, к третьему типу – работа Дж. Р. Мэнша, к четвертому

³ Ср.: «Тройное измерение синтеза... Это три функции апперцепции» (*Кант И.* Из рукописного наследия. М., 2000, с. 41). Во втором издании синтез уже определяется как «действие рассудка» (В 129). «...Чистый синтез, представленный в общей форме, дает чистое рассудочное понятие...» (В 104). Но хотя во втором издании учение о тройственном синтезе ушло с поверхности рассуждения, внутренняя логика текста сохранила его элементы: «Для априорного познания всех предметов нам должно быть дано, во-первых, многообразное в чистом созерцании; во-вторых, синтез этого многообразного посредством способности воображения, что, однако, не дает еще знания. Понятия, сообщающие единство этому чистому синтезу и состоящие исключительно в представлении об этом необходимом синтетическом единстве, составляют третье условие для познания являющегося предмета и основываются на рассудке» (КЧР, В 104).

⁴ Там же. Т. 3. С. 150. – Здесь понятие «разум» используется не в строгом смысле и относится скорее к рассудку.

⁵ Самый полный вариант этой редакции первой критики на русском языке можно найти в издании: *Кант И.* Соч. (на немецком и русском языках). Т. 2. Ч. 2. М., 2006. – Цитаты из А 1-94, А 131-248 и А 254-347 приводятся по этому изданию.

⁶ *Молчанов В. И.* Время и сознание: критика феноменологической философии; *Разеев Д. Н.* Феноменология Канта; *Орлова Ю. О.* Понятия апперцепции и рефлексии у Канта и понятие рефлексии у Гуссерля // Между метафизикой и опытом. СПб., 2001; Кантианские стратегии интерпретации феноменологии Гуссерля (на примере современных исследований в Германии) // Актуальность Канта. СПб., 2005; *Мотрошилова Н. В.* Гуссерль и Кант. Проблема «трансцендентальной философии» // Мотрошилова Н. В. Работы разных лет: Избранные статьи и эссе. М., 2005.

типу – тексты И. Керна, Дж. Н. Моханти, П. Рикёра, Н. Розенштрайха, Т. М. Сибомы, а к четвертому и пятому типу – исследования М. Хайдеггера, Х. Хоппа, Ю. А. Янсен и Н. Депра.⁷

Мы остановимся чуть более подробно на тех исследованиях, результаты которых наиболее интересны для развития нашей темы. Из отечественных исследований хотелось бы выделить работы В. И. Молчанова и Д. Н. Разеева.

В монографии «Время и сознание: критика феноменологической философии» Виктор Молчанов настаивает на том, что кантовская субъективная дедукция выходит за пределы чисто критических целей – это, с его точки зрения, уже собственно наблюдение за деятельностью сознания. Рефлексия здесь «натывается» на наиболее глубокий слой сознания – темпоральные отношения. И на основании результатов такой трансцендентальной рефлексии Кантом строится концепция сознания как взаимопроникновения трех синтезов (заданных отношениями последовательности и одновременности). Такая интерпретация позволяет Молчанову включить в один феноменологический контекст кантовский тройственный синтез и феноменологию внутреннего сознания времени Гуссерля, что представляется крайне продуктивным.

В первой главе книги «В сетях феноменологии», которая озаглавлена «Феноменология Канта», Данил Разеев предлагает рассматривать результаты субъективной дедукции Канта как «неклассическую» феноменологию (т. е. в чем-то альтернативную феноменологии Гуссерля). Разеев интерпретирует феноменологию Канта как феноменологию восприятия, построенную на понятии воображения. Три кантовских синтеза понимаются в таком случае как конститутивные моменты восприятия. Эта интерпретация особенно интересна при ее сопоставлении с позицией Поля Рикёра, который понимает «имплицитную феноменологию, скрытую за кантовской эпистемологией»⁸ как феноменологию суждения (в отличие от феноменологии Гуссерля, которая по преимуществу является феноменологией восприятия). Рикёр предлагает нетривиальный методический ход: читать трансцендентальную аналитику «в обратном порядке», т. е. двигаться от аналитики основоположений к аналитике понятий. Это, с его точки зрения, помогает продемонстрировать доминирование проблематики суждения и категориального мышления в имплицитной кантовской феноменологии. Напряжение, возникающее между двумя такими полюсами интерпретации помогает нам сохранить непредвзятую позицию по отношению к «феноменологическим» результатам субъективной дедукции, а также отсылает нас к идее Гуссерля о необходимости снять догматическое различие чувственности и рассудка.

⁷ Рикёр П. Кант и Гуссерль // Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции XX века. Томск, 1998; Хайдеггер М. Кант и проблема метафизики. М., 1997; Depraz N. Imagination and Passivity. Husserl and Kant: a Cross-relationship // Alterity and Facticity: New Perspectives on Husserl / Ed. N. Depraz, D. Zahavi. Dordrecht, 1998; Hoppe H. Synthesis bei Kant: Das Problem der Verbindung von Vorstellungen und ihrer Gegenstandsbeziehungen in der "Kritik der reinen Vernunft". Berlin, 1983; Jansen J. A. The Wonder of Rationality and the Freedom of Phantasy: Kant and Husserl on Imagination. New York, 2002; Kern I. Husserl und Kant: Eine Untersuchung über Husserls Verhältnis zu Kant und zum Neukantianismus. Den Haag, 1964; Kitcher P. Kant's Transcendental Psychology. Oxford, 1990; Mensch J. R. Husserl's Account of our Consciousness of Time (на правах рукописи), Antigonih, N. S., 2006; Mohanty J. N. Kant and Husserl // Husserl Studies (Netherlands). 1996. № 13; Powell C. T. The Self and the Transcendental Deduction // Kant's Theory of Self-consciousness. Oxford, 1990; Rotenstreich N. Synthesis and Intentional Objectivity: On Kant and Husserl. Dordrecht, 1998; Rotenstreich N. Variations of the Transcendentalism // Philosophy and Science in Phenomenological Perspective. Dordrecht. 1984; Seebohm T. M. Fichte's and Husserl's critique of Kant's transcendental deduction // Husserl Studies (Netherlands). 1985. № 13.

⁸ Рикёр П. Кант и Гуссерль. С. 163.

Среди зарубежных исследований мы выделим работы Дж. Н. Моханти, Н. Депра. Во многих современных феноменологических исследованиях субъективной дедукции ставится задача реконструировать позицию Гуссерля в отношении трансцендентального синтеза как некую альтернативу классической, «темпорально-онтологической» интерпретации Мартина Хайдеггера.⁹ Так в статье «Кант и Гуссерль» Джитендранат Моханти рассматривает рукопись Гуссерля «К трансцендентальной эстетике» (1925).¹⁰ У Канта предикативная аристотелевская логика суждений отсылает к трансцендентальной логике категориального синтеза, где и обнаруживается структура тройственного синтеза. Для Гуссерля же тройственная синтетическая модель относится не к трансцендентальной логике, а к феноменологически пересмотренной трансцендентальной эстетике.¹¹ В рамках феноменологического варианта «трансцендентальной эстетики» Гуссерль разрабатывает кантовские синтезы как принципы связи восприятий.¹² Эта позиция близка интерпретации Д. Н. Разеева, однако мы можем заметить, что ряд элементов трансцендентального синтеза включается Гуссерлем в реконструкцию «более глубокого» уровня сознания – уровня пассивного синтеза. Это позволяет Натали Депра в статье «Воображение и пассивность» поставить вопрос об аналогии между синтезом продуктивного воображения и пассивными синтезами.¹³ Если Кант обосновывает принцип ассоциативного сродства через синтез продуктивного воображения, то Гуссерль, разрабатывая синтетическую модель, использует структуру «временного сродства» и приходит к принципу пассивной ассоциации.

Заканчивая обзор исследовательской литературы, мы можем отметить необходимость подробнее исследовать применение кантовской модели на разных этапах и уровнях феноменологии Гуссерля. Проблема синтетического характера сознания (особенно в том виде, в котором она возникает в поздних текстах Гуссерля) указывает на недостаточность «имманентного анализа» (характерного как для дескриптивной, так и для «статической» феноменологии). В случае «протофеномена» связи (к которому так или иначе приходит феноменологическое исследование) проблематично «прямое» дескриптивное отношение. Со сходной проблемой, на наш взгляд, сталкивается и Кант в своей субъективной дедукции. Поэтому мы предлагаем ввести в один контекст рассмотрения продуктивный синтез воображения и пассивный синтез. Насколько сопоставимы эти инстанции? Активен ли продуктивный синтез, если он изначально дает только форму связи? И действительно ли чужд всякой активности синтез протоассоциации, если Гуссерль приписывает ему функцию «пассивного производства» предметности? Тот контекст, в котором возможно предлагаемое сопоставление, должен открыть непсихологический и «неисторический» смысл генезиса и соответственно неэмпирическое понимание синтеза.

На протяжении всего развития своей феноменологии Гуссерль обращался как к методам, так и результатам Канта, в частности, к проблематике чистого синтеза. То, что Гуссерль использовал буквально все достижения субъективной дедукции, указывает на их адекватность его феноменологическому проекту. Мы рассмотрим два основных варианта разработки Гуссерлем результатов субъек-

⁹ Хайдеггер М. Кант и проблема метафизики.

¹⁰ А VII 26.

¹¹ Способ их различения Гуссерлем вполне соответствует кантовскому: трансцендентальная эстетика должна касаться форм всякого возможного восприятия, тогда как к трансцендентальной логике относятся сущностные законы конституции «предмета вообще» (т. е. формальная онтология).

¹² Гуссерль интерпретирует кантовскую модель как: а) синтез продолжающегося восприятия одного и того же объекта, б) синтез восприятия и воспоминания, в) тотальную форму всякого возможного синтеза. См.: Mohanty J. N. Kant and Husserl. P. 20.

¹³ Depraz N. Imagination and Passivity. P. 30.

тивной дедукции: на этапе дескриптивной феноменологии (в «VI Логическом исследовании»), и на этапе генетической феноменологии (в «Анализе пассивных синтезов»). Поэтому мы хотим рассмотреть «эмпирическое употребление» трансцендентального синтеза в его отношении к дескриптивной феноменологии и сопоставить, с одной стороны, корреляцию трансцендентального единства апперцепции и трансцендентального предмета и, с другой стороны, учение Гуссерля о «поляризации» сознания. Это поможет нам сделать выводы относительно продуктивности результатов субъективной дедукции (А) для феноменологии.

Более частная задача (выполнение которой приблизит нас к ответу на поставленные вопросы) – проследить «развитие» принципа ассоциации от эмпирической (философской) психологии через «трансцендентальную логику»¹⁴ к феноменологической психологии и трансцендентальной феноменологии. Для этого нам понадобится восстановить контекст субъективной дедукции (А), а именно принцип ассоциации Юма и его замечания о конститутивном характере воображения, а также рассмотреть связь синтеза ассоциации и временного синтеза у Канта и Гуссерля.

*Контекст субъективной дедукции: принцип ассоциации
и конститутивный характер воображения*

Но прежде всего мы попробуем восстановить контекст субъективной дедукции. Очевидно, что для этого недостаточно только текста «Критики чистого разума», в котором роль и значение субъективной дедукции более чем проблематичны. В нашем случае важно рассмотреть влияние принципа ассоциации Юма и его замечаний о конститутивном характере воображения в отношении памяти, чувств и рассудка.¹⁵ Опыт и привычка, к которым отсылает Юм, вполне могут быть следствием случайных эмпирических условий. Поэтому в теории эмпирической ассоциации содержится значительный элемент произвольности и не предполагается непосредственное усмотрение принципов, структурирующих многообразие содержания сознания. Перед Кантом, напротив, стояла задача поиска трансцендентальных оснований «ассоциации».¹⁶ Исходя из эмпирического синтеза ассоциации, Юм приходит к тому, что «в основании и памяти, и чувств, и рассудка лежит воображение».¹⁷ Канту удастся пойти дальше теории эмпирической ассоциации: Кант, соглашаясь с выводом Юма, дает ему, как мы могли бы сказать, «феноменологическое» обоснование. Действительно, ассоциация действует как эмпирический принцип упорядочения результатов созерцания. Но в основании ассоциации лежит трансцендентальное средство явлений (А 113) (через их отношение к апперцеп-

¹⁴ И «трансцендентальную психологию», как бы ни был проблематичен этот термин. В отношении уместности этого термина см. у *P. Kitcher* («Kant's Transcendental Psychology») и *H. Hoppe* («Synthesis bei Kant»).

¹⁵ Общим местом в кантоведении является указание на ту роль, которую сыграло в формировании критической философии учение Юма о причинности. Реже рассматривается, например, влияние учения Юма о тождестве личности. Однако влияние на Канта юмовского учения о воображении мало изучено.

¹⁶ «Но если бы это единство ассоциации не имело также объективного основания, ввиду чего было бы невозможно, чтобы явления схватывались воображением иначе как при наличии возможного синтетического единства этого схватывания, то пригодность явлений для связи между человеческими знаниями была бы чем-то совершенно случайным. Действительно, хотя бы мы и обладали способностью ассоциировать восприятия, тем не менее оставалось бы само по себе совершенно неопределенным и случайным, соединимы ли они путем ассоциации, и если бы они не были ассоциируемы, было бы возможно множество восприятий и даже совокупная чувственность, в которой содержалось бы много эмпирического сознания в моей душе, но в разрозненном виде и без отношения к одному сознанию меня самого» (А 121-122).

¹⁷ «... Или живость наших идей» (*Юм Д.* Трактат о человеческой природе // *Юм Д.* Соч. Т. 1. М., 1994. С. 310).

ции), и оно является следствием априорного синтеза воображения. Трансцендентальный синтез (продуктивного) воображения «а priori направлен без различия созерцаний исключительно на связь многообразного» (А 118). То есть продуктивное воображение порождает саму форму синтеза. А этот синтез выступает конститутивным моментом трансцендентальных способностей.

*«Эмпирическое употребление» трансцендентального синтеза
и дескриптивная феноменология*

Трансцендентальные способности имеют «эмпирическое употребление», т. е. применяются к явлениям. В качестве результатов «применения» способностей выступают три более частных синтеза, которые являются конкретизациями трансцендентального синтеза продуктивного воображения в отношении восприятия, репродукции, ассоциации и эмпирического сознания тождества представлений и явлений.

1. Синтез схватывания в созерцании (в отношении восприятия).

2. Синтез воспроизведения в воображении:

а) в отношении репродукции,

б) в отношении ассоциации.

3. Синтез узнавания в понятии (рекогниции) – в отношении эмпирического сознания тождества репродуцированных представлений (2) и явлений (1).

Теперь перейдем к сопоставлению: во втором томе «Логических исследований» Гуссерль встраивает усмотренное Кантом троякое эмпирическое проявление трансцендентального синтеза в «дескриптивную психологию». Проблематика синтеза возникает в контексте объективирующих, а именно сигнификативных и интуитивных актов.¹⁸ Гуссерль работает с понятием «синтез узнавания», которое репрезентирует тройственный кантовский (эмпирический) синтез. Поэтому Гуссерль вполне в соответствии с интуициями субъективной дедукции говорит о: 1) восприятии как синтезе вещной идентичности, 2) воображении как синтезе образной схожести.

Отношение синтезов восприятия и воображения к «синтезу узнавания» рассматривается вне контекста формального чистого Я, что соответствует общей позиции Гуссерля (в отношении эгологической проблематики) на тот период. Гуссерль в соответствии с общей направленностью «Логических исследований», интересуется синтез идеальной предметности, который и представляет собой схождение перцептивного, имагинативного и сигнитивного синтезов (в соответствии с кантовской схемой). То есть на этапе дескриптивной феноменологии Гуссерль задействует только результаты эмпирического употребления трансцендентального синтеза в качестве элементов активного «смыслонаделяющего» синтеза. На этом этапе еще не возникает проблематика продуктивного синтеза воображения, как не может еще возникнуть (что показательно) проблематика пассивного синтеза.

*Трансцендентальное единство апперцепции и его коррелят –
трансцендентальный предмет*

Важным этапом в освоении результатов субъективной дедукции стала для Гуссерля разработка учения о трансцендентальном единстве апперцепции и трансцендентальном предмете. Вот как сам Кант связывает эти два понятия: «Чистое понятие о трансцендентальном предмете... может касаться лишь того единства, которое должно быть в многообразном [содержании] знания, по-

¹⁸ См. VI Логическое исследование. Гл. 2 (*Husserl E. Logical Investigations. Vol. II. London; New York, 2001*).

сколькx это многообразное относится к предмету. Но это отношение есть не что иное, как необходимое единство сознания, стало быть, и синтеза многообразного посредством общей присущей душе функции объединения многообразного в одном представлении» (А 109). И далее: «...устойчивое и сохраняющееся Я (чистой апперцепции) составляет коррелят всех наших представлений» (А 123).

У Гуссерля развитию этой проблематики послужило исследование двух коррелятивных аспектов сознания, т.е. двух аспектов синтеза: эгологического и предметного. Помимо «синтеза, который поляризует многообразие действительного и возможного сознания в направлении тождественных себе предметов», Гуссерль предлагает рассматривать синтез эгологического полюса. Проблема синтеза предметности как таковой и синтеза формального единства сознания решается Гуссерлем через временной анализ. А генетическое измерение временного анализа возвращает нас к проблеме ассоциативного синтеза. Феноменология ассоциации рассматривается как продолжение учения о конституировании временной предметности.

Ассоциативный синтез времени как принцип пассивного генезиса

Результатом исследования работы пассивных синтезов стало для Гуссерля учение об ассоциативном синтезе (универсальный принцип пассивного генезиса – принцип ассоциации).¹⁹ «Ассоциативная темпоральность», «чисто ассоциативная доэгологическая темпорализация», протоассоциация как «пассивная» темпорализация²⁰ – такова конкретизация проблемы первичного синтеза в его поздних рукописях. Именно на этом этапе развития феноменологии Гуссерль отчетливо формулирует свое отношение к результатам субъективной дедукции. Для него они являются выдающимися потому, что Кант, не ставя перед собой вопросов ни о феноменологической проблематике, ни о феноменологическом методе, сумел осуществить дескрипцию на одном из самых глубоких уровней трансцендентальной субъективности. «Глубокое, но темное учение о синтезе продуктивного воображения... на наш взгляд не что иное, как то, что мы называем пассивной конституцией».²¹ Однако, естественно, Кант не ставил перед собой задачу раскрыть «пассивное производство» как интенциональную конституцию, как и не ставил перед собой проблему (феноменологической) очевидности. «Кант в первом издании трансцендентальной дедукции затронул систему трансцендентальных синтезов... но не разработал основания этой проблематики: конституцию живого опыта субъекта», – пишет Гуссерль.²² С его точки зрения Кант задавал достаточно узкий вопрос: какие синтезы необходимы для конституирования явлений природы, внешнего опыта как такового. То есть Гуссерль предъясняет к учению Канта о трансцендентальном синтезе

¹⁹ «Ассоциация есть фундаментальное понятие трансцендентальной феноменологии (как в психологической параллели оно является фундаментальным для чисто интенциональной психологии). Старое понятие ассоциации и ассоциативных законов, хотя оно со времен Юма применялось, как правило, для описания взаимосвязей чисто психической жизни, представляет собой лишь натуралистическое искажение подлинно интенционального понятия. В феноменологии, очень поздно нашедшей подступы к исследованию ассоциации, это понятие получает совершенно новый облик и по-новому определяется в отношении своих основных форм, к которым относится, например, чувственная конфигурация в совместном или последовательном существовании». – Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб. 2001. С. 169.

²⁰ Гуссерль Э. Рукописи Е, рукописи С. Цит. по: *Mensch J. Husserl's Concept of Future // Husserl Studies. 1999. N 16. P. 51.*

²¹ Гуссерль Э. Анализ пассивного синтеза С. 410 [276] (доп. текст № 20); приводится по: *Husserl E. Analyses Concerning Passive and Active Synthesis: Lectures on Transcendental Logic. Dordrecht, 2001, (далее – APS),* указываются страницы английского перевода, в квадратных скобках даны страницы немецкого оригинала.

²² APS. P. 171 [126].

и его эмпирическом применении «претензию», которую обычно приводят в адрес его собственной феноменологии (а именно: Кант преимущественно ориентируется на внешнее восприятие, и соответственно все остальное выстраивается по его образцу). Насколько корректен такой «упрек»? Ведь Кант настаивал на том, что преобладающей является форма внутреннего восприятия, т. е. время. И далее: «Кант уже видел, что в феноменологическом контексте принцип ассоциации является необходимым законом субъективности, – пишет Гуссерль в «Анализе пассивного синтеза». – Однако его доказательство трансцендентальной необходимости ассоциации не опиралось на феноменологический эйдетический анализ».²³

Но как в таком случае объяснить близость результатов субъективной дедукции первого издания ключевым направлениям исследования генетической феноменологии? Этот вопрос можно сформулировать иначе: какую модель феноменологического описания мы можем извлечь из субъективной дедукции? Можем ли мы реконструировать некий не проясненный, но используемый Кантом метод? Позволим себе высказать некую рабочую гипотезу. Стоит обратить внимание на то, что в самом центре трансцендентальной дедукции категорий (а соответственно и трансцендентальной аналитики, трансцендентальной логики и всей первой критики), непосредственно перед введением ключевого учения о трансцендентальном предмете и синтезе рекогниции (осуществляющем эмпирическую связь чувственности и рассудка), Кант производит опыт искусственного рассогласования эмпирического синтеза воображения (и двух коррелятивных ему синтезов). Обратимся к тексту: «Если бы мы не сознавали, что мыслимое нами в настоящий момент есть то же самое, что мы мыслили в предыдущий момент, то воспроизведение в ряду представлений было бы бесполезным. В самом деле, в настоящем состоянии это было бы новым представлением: оно не относилось бы к акту, посредством которого оно должно быть постепенно произведено, и многообразное в таких представлениях никогда не составляло бы целого, так ему не хватало бы единства, которое может быть дано ему только сознанием. Если бы при счете я забывал, что единицы, которые витают теперь перед моим мысленным взором, постепенно прибавлялись мной друг к другу, то я ничего не узнал бы о возникновении суммы путем такого последовательного прибавления единицы к единице, стало быть, не пришел бы также к познанию числа, так как понятие числа состоит исключительно в осознании этого единства синтеза» (А 103).

Вряд ли можно считать это только риторическим приемом. Скорее, можно говорить о методическом приеме: методе приведения к очевидности протофеноменов, не доступных для «имманентного анализа». Так, в случае генетической феноменологии проблематична «прямая» очевидность протофеноменов, тем более проблематична очевидность пассивной ассоциации и пассивного временного синтеза. «Косвенное» приведение к очевидности синтеза возможно через «демонстрацию» последствий его нарушения. Вот еще одна иллюстрация: «...явления могли бы быть такими, что рассудок не нашел бы их сообразными с условиями своего единства, и тогда все находилось бы в смещении до такой степени, что, например, в последовательном ряду явлений не было бы ничего, что... соответствовало бы понятию причины и действия» (КЧР, А 90 – В 123). Если при исключении некой формы синтеза рухнет вся взаимосвязь живого опыта, это указывает на конститутивный характер данного синтеза.²⁴

²³ APS. P. 163-164 [118-119].

²⁴ Соответствующий ход можно найти, например, в «Идеях I» Гуссерля: «Мыслимо то, что опыт в какой-то момент начинает строптиво сопротивляться самому ожиданию того, чтобы полагания вещей выдерживалось от начала до конца непротиворечиво, мыслимо то, что взаимосвязь опыта утрачивает твердость, с которой упорядочивались бы все нюансирования, постижения, явления... так что в таком случае уже не будет мира, который можно было бы полагать непротиворечиво, т. е.

Как видим, проблема синтетического характера сознания не может быть до конца решена в рамках «имманентного анализа». Однако любой выход за его пределы ставит под вопрос сам феноменологический проект. Подводя итоги можно сказать, что осуществленный в первом варианте субъективной дедукции поиск трансцендентальных принципов синтеза можно квалифицировать как одно из первых «позитивно-феноменологических» исследований.²⁵ Здесь Канту под именем продуктивного синтеза воображения удалось описать прото-феномен связи сознания. Мы попытались показать некое сродство этой проблематики субъективной дедукции и основных затруднений поздней феноменологии Гуссерля. Если «эмпирическое применение» трансцендентального синтеза остается в контексте дескриптивной феноменологии (и в каком-то смысле феноменологической психологии), то учение о чистом синтезе продуктивного воображения (как первичном формальном синтезе) может быть основанием для разработки методов генетической феноменологии.

не будет уже существующего мира. Пусть тогда в известном объеме конституирующими окажутся какие-то грубые конструкции единства – преходящие точки опоры для таких созерцаний, которые были бы простыми аналогами созерцания вещей, совершенно не способными к тому, чтобы конституировать консервативные, стойкие «реальности», устойчивые единства...». – Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М., 1999. С. 107. Однако здесь Гуссерль еще не делает заключения к необходимой форме синтеза.

²⁵ То есть выходящих за рамки пропедевтики и рассуждений о методе.